

УКРАИНОФИЛЬСТВО И ВОПРОС О ЯЗЫКЕ¹

Политическая актуальность – не лучший стимул для исторических занятий, хотя связь истории и политики очевидна. Приближаясь к современности история переходит в политику, а текущая политическая ситуация ищет оправдание в истории. Прошлое может быть таким же орудием борьбы, как и вооруженное противостояние. Только борьба здесь идет за сознание людей. Политический кризис на Украине помимо различных причин был вызван и очень болезненным для Украины вопросом – вопросом о языке. Речь идет не только о русском, но и о самом украинском языке, политическое преобладание и культурное доминирование которого оказалось поколеблено. Нерешенность вопроса о языке побуждает обратиться к той национальной идеологии, которая лежит у истоков современной украинской государственности – к украинофильству XIX в.

Одним из основоположников идеологических конструкций, получивших преобладание на Украине в XX в. принято считать Михаила Петровича Драгоманова (1841–1895). Драгоманов стал частью национального мифа новой украинской государственности. Он в буквальном смысле является знаковой фигурой на Украине: его имя присваивают улицам, университету. Однако для истории русской общественной мысли Драгоманов фигура маргинальная. Его значение для русской мысли не велико. Этим он заметно отличается от своих предшественников, так же стоявших у истоков украинофильства – Т.Г. Шевченко и Н.И. Костомарова, наследие которых стало частью общерусской культуры. Более скромный масштаб Драгоманова как

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-00192).

теоретика и ученого, ограниченный региональными рамками, не позволяет заподозрить его в чрезмерных симпатиях к русскому народу и государству. Тем примечательнее выглядит его позиция по вопросу о языке, сформулированная в статьях начала 1870-х гг., хотя, безусловно, взгляды Драгоманова во многом определялись теми реалиями и той формой легальности, которые диктовали обстоятельства. Немаловажен и полемический контекст статей Драгоманова, вызванный, в частности, соперничеством между еженедельными киевскими газетами «Киевлянин» и «Киевский телеграф».

Сам Драгоманов считал украинофильство разновидностью славянофильства, аналогичного великоруссофильству или, собственно, московскому славянофильству. Однако при всей верности такого сравнения и сопоставления надо признать украинофильство проявлением, скорее, областничества, чем славянофильства. На это указывает, прежде всего, политическая программа украинофилов, совпадающая с федерализмом областников и, надо признать, не утратившая своей актуальности [1, с. 134–149]. К сожалению, украинофильство, как правило, рассматривается изолированно от областничества, что значительно сужает его понимание. Первой попыткой сопоставления украинофильства и областничества была статья Е.Е. Колосова «Два русских областника – М.П. Драгоманов и Г.Н. Потанин (опыт сравнительного изучения политических программ русских областников)» [2] а также статья А.С. Маджарова «Н.И. Костомаров и сибирское областничество» [3]. Однако в последствие это направление исследований развития не получило. Лучше всего оказалось изучено сибирское областничество, с которым метонимически ассоциируется это движение в целом. В работах историков Г.И. Пелих, М.В. Шиловского, А.В. Ремнева, М.Г. Сесюниной и др. показана история областнического движения, деятельность его лидеров, прежде всего, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, раскрывается областническая идеология. Изучение сибирского областничества было продолжено молодыми

исследователями А.В. Головиновым, А.Э. Зайнутдиновым, Е.П. Ковалюшкиной и др., в работах которых рассматриваются и уточняются не столько исторические аспекты сибирского областничества, сколько их учение, идеология и даже философия [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Историографический обзор литературы по сибирскому областничеству представлен в статье С.А. Троицкого [15]. Российское же областничество (К.Н. Бестужев-Рюмин, П.В. Павлов, «Камско-волжская газета», областнические идеи в казачьей среде) и вовсе не выделяются исследователями. Основные требования украинофилов, в частности, сформулированные Драгомановым – свободное развитие местных общин и культуры народа, а, значит, и языка, юридическое закрепление прав индивида, децентрализация власти – надо отнести к общим для всех областников требованиям. Положительная программа украинофильства совпадала с программой областников. Отход от нее привел к развитию негативных тенденций. В задачу статьи не входит ответ на вопрос: в силу каких причин вместо гуманистических и либеральных идеалов областничества в украинофильстве возобладала человеконенавистническая идеология галицийских националистов, распространение которой приводит украинский народ к вырождению в этническую химеру. Учение Драгоманова, включенное в *ungrund* современной украинской государственной идеологии, показывает, как то, насколько трансформировалась сама украинофильская идеология, так и то, что Драгоманова на Украине, скорее, почитают, чем читают. Все это побуждает к реактуализации его взглядов.

В публицистике Драгоманова вопрос о языке занимает важное, но не исключительное место. По крайней мере, его можно поставить в один ряд с польским вопросом, еврейским вопросом и требованием децентрализации или федерализации власти.

Еще в 1872 г. в статье «Восточная политика Германии и обрусение» Драгоманов признавал, что считает мнение В.И. Ламанского о возможности самостоятельной «малорусской

словесности» при сохранении и развитии русского литературного языка «самой верной и практичной точкой зрения» [16, с. 118–119]. Стоит напомнить, что В.И. Ламанский в серии статей «Непорешенный вопрос» и других публикациях отстаивал право русского языка быть общеславянским литературным, научным и дипломатическим языком [17, с. 95–125]. Народность Драгоманов воспринимал не только как политическую, но и как литературную силу. Правда, определенность народности и ее язык не являлись для него постоянной величиной; они зависели от множества условий. В статье «Русские в Галиции» (1873) Драгоманов писал, что «не только политическая особенность известной части народности от ее целого, но даже и литературная, не зависит от одной только языковой и бытовой особенности ее, видной для специалистов-филологов; особенность политическая, и даже литературная, зависит, кроме этнографических и филологических условий, еще и от многих других: исторических, религиозных, экономических, культурных, а главным образом, от воли самого народа, проистекающей из сознания, что ему полезно, нужно, приятно, или как бы там ни было, быть в единстве, политическом и литературном, с другим народом, или в раздельности» [18, с. 321]. Потребность народа в самостоятельном литературном языке понятна, как и отстаивание Драгомановым права украинского языка быть языком политической жизни и литературы. Он ставит язык и политическое самоопределение народа в зависимость от гипотетической «воли народа», которая, в свою очередь, определяется практическими нуждами. Сочетая естественное право с утилитаризмом, Драгоманов выстраивает своеобразную конструкцию, согласно которой развитие языка и политическая жизнь народа повинуются выгоде и стремлению к удовольствию. Драгоманов неоднократно критиковал славянофилов за романтическое увлечение и использование выражений «народный дух», «народный характер». Естественнo-правовая генеалогия «воли народа», к которой апеллирует Драгоманов, едва ли в большей степени проясняет

ситуацию. В той традиции, к которой обращается Драгоманов, воля не противостоит разуму, а представляет собой разумную волю или практический разум. Истолкователями и выразителями этой разумной воли, по мысли Драгоманова, выступает интеллигенция. Укraiнофильство Драгоманова, как и другие областнические учения, обращено, в первую очередь, к местной интеллигенции. Именно местная или национальная интеллигенция решает, что является пользой и выгодой, на которую направлена «воля народа». Иными словами, народность и даже язык – это не исторические константы, которые не могут меняться по прихоти политиков. Напротив, Драгоманов допускает их, так сказать, переориентацию в зависимости от устанавливаемых национальной интеллигенцией практических нужд.

Происхождение украинского языка, в отличие от естественно сложившихся малорусских провинциальных наречий, Драгоманов выводил из литературной потребности отразить жизнь народа, т. е. считал следствием распространения реалистического направления в литературе. «Так, – писал он, – в Малороссии язык народа был более или менее такой же, как и теперь, но писатели-малоруссы XVI–XVII веков употребляли церковный или даже польский и латинский языки, внося в свои писания малороссианизмы больше невольно; потом, начиная с Дмитрия Ростовского, стали переходить от церковно-славянского к великорусскому, а потом, от Богдановича и Капниста, стали писать выработавшимся в России после Ломоносова на основе великорусского наречия литературным языком, которым писана большая часть и так уважаемых галицкими народовцами сочинений гг. Костомарова, Кулиша и др., потому что публику такого рода сочинения могут найти только будучи написаны на языке общем всему образованному обществу в России, и потому, что та жизнь, которая описывается в сочинениях Капниста, Гоголя и др. подобных писателей-малоруссов, употребляет для своих потреб этот самый язык с наибольшими вариациями по провинциям. И только, когда жизнь породила новые задачи и потребности в литературе, а именно,

изображения жизни народной, потребность сближения высших классов с низшими, потребность проведения знаний в народе в самой удобной форме, – тогда явились, и сначала бессознательно, а потом и более сознательные попытки писать на малорусском народном языке; аналогичные потребности проявились тогда и в великорусском обществе. Куда дальше поведет жизнь вопрос о сближении литературного языка с простонародным в Северной и Южной России, – посмотрим; но только он решится не одними лишь филологическими законами, а всею совокупностью народной и политической жизни в России, и скорее всего в пользу преобладания центростремительной (русской) силы над центробежными (великорусской и малорусской)» [18, с. 323–324]. В своем экскурсе Драгоманов упускает важный момент: русский литературный язык сложился во многом благодаря выходцам с южно-русских и западно-русских земель, из которых на протяжении XVII и большей части XVIII вв. формировался русский образованный слой. Русский литературный язык, в создании которого активное участие принимали уроженцы Малороссии, создавался как общий и для великороссов и для малороссов литературный язык. С этой точки зрения противопоставление и соперничество русского и украинского языков выглядит странным и даже искусственным. Однако для Драгоманова такое противопоставление – факт не исторический и даже не лингвистический, а социологический. Он настаивал на том, что «литературу делает именно вся совокупность жизни, а не одни только этнографическо-филологические условия» [18, с. 324].

Свободное использование языка не только в частной, но и в публичной сферах справедливо кажется Драгоманову естественным требованием, выдвигаемым народом к государству. «Если мы, – писал он, – допускаем употребление и даже развитие какого-нибудь языка в частной, семейной жизни общества, в церкви, в литературе художественной и научной, то мы допускаем ему обнимать самые душевные, самые близкие и кровные человеку сферы сердца и ума,

и не естественно ли, что человек потребует признания за этим языком и других прав в жизни, а не встретив удовлетворения этому требованию, не может относиться к государственной власти иначе, как с враждою, тайною или явною. Устранение известного языка из всех сфер публичной жизни, из школьного и ученого преподавания не может иметь других последствий и целей, как стеснение его развития, стеснение развития на нем литературы, преимущественно ученой и педагогической, отучение населения от мышления на этом языке, но чувство вражды при этом не истребляется, а становится только более и более диким и фанатичным» [16, с. 179]. Притеснение языка, подчеркивал Драгоманов, вызывает враждебное отношение народа к власти. Драгоманов имеет здесь в виду украинский язык, хотя, понятно, что описанная им ситуация относится к любому языку: как только формирующемуся в качестве языка литературного, так, тем более, и к языку с богатой литературной традицией. Драгоманов даже предрекает гибель и распадение государств в случае неудовлетворительного разрешения вопроса о языке: «Стремления обезнародить известные племена, с целью упрочения государственного единства, вызывают по большей части национальную энергию в племени, над которым хотят произвести нравственную операцию, и приводит иногда к распадению государств или отпадению от них частей» [16, с. 53]. Уважение к языку входящих в состав государства народов является закономерным проявлением формы государственной жизни, основанной на свободе, а не на принуждении и насилии. С этой точки зрения, свободное пользование в различных сферах жизни родным языком входит в содержание того социального идеала, который проповедовал Драгоманов. «Другими словами, – пояснял он, – чем более государство становится свободным и потому прочным союзом людей для достижения развития душевного и материального, тем более подходит оно к равноправности языков и народностей, в него входящих, в

общественной жизни» [16, с. 56]. К такому идеалу, полагал Драгоманов, приближается Швейцарская федерация.

Конечно, призывы Драгоманова были обращены, прежде всего, к русскому народу и российскому государству. Он напоминал, что первая русская типография была открыта в Вильне, первая правильная русская школа – во Львове, а первая русская высшая школа – в Киеве. К сожалению, сетовал Драгоманов, эти центры заглохли вследствие опустошительных войн и «безмерного развития централизации», сначала московской, а затем петербургской. Поддержка областных культур и разновидностей русского народа пойдет на пользу, прежде всего, самому русскому народу, сделает его сильнее и богаче в культурном плане. По словам Драгоманова, «великому русскому народу нет ни малейшей надобности стирать ни народности малых народов, ни особенности собственных разновидностей, которые могут только питать и расширять общерусскую культуру» [19, с. 414]. Предоставление языкам и наречиям равных прав, свобода общения и просвещения, полагал Драгоманов, способны укрепить единство русского народа, частью которого он считал и народ украинский. Единство не отрицает различия, оно может опираться на эти различия, скрепляемые свободой. Напротив, унификация – это путь к раздроблению и разрушению. «Таким образом, – заключал Драгоманов, – вследствие взаимного обмена мыслей и взаимного ознакомления между разными частями и партиями в мире русских племен может, мы думаем, очень легко выработаться единство идей и целей, служба русскому народу, его просвещению, богатству и свободному внутреннему развитию, а ведь только такого рода единство существенно и желательно. Стремиться же к единообразию всех форм жизни и средств деятельности свойственно только ограниченным натурам, щедринским Угрюм-Бурчеевым. Но ведь люди такого рода способны не объединять, а только разрушать, и чрез то еще больше разъединять» [19, с. 399].

На этом можно было бы и закончить рассказ о том отношении к языку, которое было изложено в украинофильстве Драгоманова. Для идеологии и традиции украинофильства Драгоманов – фигура ключевая, а его мнение – авторитет. Высказывания Драгоманова по вопросу о языке достаточно красноречивы, его позиция ясна и во много с ней трудно не согласится. Однако языковая политика, проводимая украинским государством, кажется, полностью противоречит точке зрения Драгоманова. Что же происходит? Когда начался отход от гуманистических и либеральных идеалов украинофильства? Уже следующее за Драгомановым поколение украинофилов существенно скорректировало многие идейные позиции. Проиллюстрировать это можно обратившись к уже, вероятно, забытой полемике вековой давности между Б.А. Кистяковским и П.Б. Струве на страницах журнала «Русская мысль».

Точка зрения Б.А. Кистяковского как украинофила интересна не только тем, что он был одним из крупнейших правоведов и социологов в России начала XX в., но и тем, что именно Кистяковский был издателем трудов Драгоманова, знал и признавал его учение.

Основной мотив статей Кистяковского по украинскому вопросу – это обида на русский народ и государство. По его словам, «основная черта, характеризующая отношение русского общества к украинству, это резко выраженный эгоизм» [20, с. 133]. Во вступительной статье к сочинениям Драгоманова он утверждал, что Украина, спасаясь от иезуитско-польского рабства, попала в еще более тяжелое порабощение от России. Он признавал тесную связь украинского народа с русским. «Я глубоко убежден, – писал Кистяковский, – что исторические судьбы связали украинский народ с великорусским навсегда, и также бесповоротно разъединили его с другими его соседями, главным образом с народом польским. Поэтому дальнейшее развитие украинского народа возможно только в связи и в тесной всесторонней солидарности с великорусским

народом. Особенно неразрывно связан украинский народ с великорусской культурой, так как за это уже говорит громадная ценность последней. Я придерживаюсь мнения, что из всех славянских культур только великорусская сможет достичь истинного мирового значения. Ввиду этого для украинского народа чрезвычайно важно сохранить эту связь, сближающую его с мировыми интересами, и она необходимо должна сохраниться. Но в то же время самые насущные нужды украинского народа требуют и развития своей самобытной культуры» [20, с. 132]. Однако Кистяковский не считает такую связь ни естественной, ни, тем более, абсолютной. Последующие уточнения практически полностью нивелируют это высказывание. Причем, говоря о русской культуре, Кистяковский закавычивает само это выражение. Преобладание и господство русской культуры для него – лишь следствие длительной насильственной русификации. Более того, на взгляд Кистяковского, даже самой русской культуры не существует, вместо нее преподносится культура безродной интеллигенции. «Ведь истинная культура России, – пишет он, – как культура народных масс, еще и не возникла. Она только теперь может зародиться» [20, с. 138].

Главное отличие Кистяковского от его оппонента Струве состоит в том, что для Струве народ и культура являются итогом естественного исторического развития, а для Кистяковского – это результат сознательного волевого конструирования. По его словам, «в наш век машинного производства не только материальная, но и всякая духовная культура создаются “нарочно”. “Русская” культура тоже “создавалась нарочно” притом под сильным воздействием русского самодержавного и бюрократического правительства <...>. В противоположность культуре “русской” украинская культура “народно создается” не для военных и бюрократических нужд государства, а для насущной потребности широких народных масс. Она создается, опираясь только на демократические силы и поддерживаемая только ими» [20, с. 140]. Культурный процесс,

согласно Кистяковскому, состоит в уничтожении старого новым, где новое представлено украинской культурой, а уничтожаемое старое – русской. Победа украинской культуры над русской должна означать победу естественного над искусственным, народного над бюрократическим. Идеализация и возвеличивание украинской культуры, по мысли Кистяковского, должно проходить не вместе с развитием русской культуры, а вместо русской культуры, в ущерб русской культуре. Однако не находя ни исторических, ни собственно культурных оснований и объяснений для такого возвеличивания и даже обособления культур, Кистяковский (что довольно неожиданно для юриста) прибегает к божественному аргументу. «Остается признать, – пророчествует он, – что народу украинскому присуща особая воля или какая-то мистическая сила, побуждающая его отстаивать свою самобытную национальную индивидуальность <...> Итак, если стремление Украины к своей самобытной культуре Божье дело, то никакие земные силы его не одолеют <...> Всякое истинно культурное движение есть проявление Духа Божьего в человеке, и потому он свято, а насилие над ним грех» [20, с. 146]. Как и Драгоманов Кистяковский пишет о воле украинского народа, сопоставляя ее уже не с разумом, как его предшественник, а с «мистической силой» и видит в национальном движении украинства Божье дело. Конечно, после таких аргументов дальнейшая полемика становится не возможной.

Тем не менее П.Б. Струве ответил Кистяковскому статьей «Общерусская культура и украинский партикуляризм», напечатанной в первой книге «Русской мысли» за 1912 г., в которой он выступил скорее с областнических, чем государственных позиций². «А именно, я глубоко убежден, – писал Струве, – что – наряду с общерусской культурой и общерусским языком – культура

² Надо заметить, что, например, уже в следующем номере журнала была напечатана статья сибирского областника Н.В. Некрасова «Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири».

малорусская или украинская есть культура местная или областная. Это положение “малорусской” культуры и “малорусского” языка определилось всем ходом исторического развития России и может быть изменено только с полным разрушением исторически сложившегося уклада не только русской государственности, но и русской общественности» [21, с. 66]. В отличие от Кистяковского, Струве гораздо больше уделял внимания вопросу о языке. Если Кистяковский ограничивался замечаниями о необходимости интеллигенции и народу говорить на одном языке, что при его позиции этнического конструктивизма, фактически, означало навязывание народу того языка, который интеллигенция считает истинно народным и соответствующим «Божьему делу», то Струве указывал на историческую неизбежность формирования общерусского языка. «Ход русской культуры, – писал он, – приведший к гегемонии “великорусского” языка и к превращению его в русскую *χοινή*, определился тем, что центр государственности и связанной с ней культуры оказался сперва в Москве, а потом в Петербурге, который в культурном отношении, да и по своему населению был не чем иным, как отпрыском или колонией (в античном смысле) той же Москвы. Если бы Петр I центр новосоздаваемой русской государственности переместил в Киев, в России сложилась бы другая *χοινή*, с гораздо большей примесью южнорусских элементов, но только и всего. Русская *χοινή* все-таки должна была сложиться» [21, с. 68]. Такой общерусский язык и считается, собственно, языком русским, в жертву которому приносятся местные диалекты, в том числе малорусский. *«Это – процесс, которому подвергаются в известной мере все диалекты под напором более могущественного и в то же время родственного книжного и вместе с тем живого языка, который есть зараз и язык государственности, и язык высшей культуры, и, наконец, язык новых экономических форм»* [21, с. 71]. Указание на «новые экономические формы» здесь не случайно, поскольку интенсификация хозяйственной и социальной жизни неизбежно приводит к языковой

унификации. «Современное хозяйственное развитие, – отмечал Струве, – создавая в целом ряде областей и отношений новую дифференциацию, в области языка имеет тенденцию обобщать и нивелировать» [21, с. 81]. В итоге, Струве предлагал различать *украинофильство* и *украинство*. Украинифильство стремится к сохранению местной культуры и языка при признании объединяющей роли общерусской культуры и языка. Именно такой позиции придерживались Н.И. Костомаров и М.П. Драгоманов (по крайней мере, до 1876 г.). Украинство же придает общественное и государственное значение только украинскому языку, стремится к утверждению новой национальной культуры при одновременном вытеснении общерусской культуры и отказу от общерусского исторического и культурного наследия, что в качестве последствия приведет как к расколу самого русского народа, так и государства и народным бедствиям. Следует напомнить, что и Драгоманов считал, что отделение Украины от России приведет к понижению культурного уровня на Украине и разгулу «дикого» национализма. Наибольшую опасность для Украины он видел в агрессивной и человеконенавистнической идеологии галицийских националистов.

Деятельность украинства, преобладанию которого способствовали и Драгоманов и Кистяковский, не могла привести к формированию новой по содержанию культуры. В любом случае даже при форсировании политики этнокультурного конструктивизма для этого требовался более продолжительный исторический период и изоляция от общерусской культуры. В реальности украинство меняло лишь «форму» культуры для вытеснения и маргинализации русской культуры. Такая новая «форма» культуры, «выражающаяся в определенных нормах, приоритетах, приводит к ограничению культурных практик, вытеснению тех, которые не соответствуют этой “форме”, и созданию, таким образом, зон культурного отчуждения» [22, р. 89].

Незавершенность политических процессов на Украине не позволяет во всей полноте уяснить смысл происходящего. Однако обращение к эмбриологии украинского национализма дает возможность расширить наше понимание. Вопрос о языке, об отношениях русской и украинской культуры был болезненным как для украинофилов XIX в., так и для современной Украины. Нынешние и позапрошлые опасения сторонников украинской государственности и самобытности не были напрасны. При равных условиях украинский язык и культура могут не выдержать конкуренции с русским языком и культурой, поскольку именно русский язык и культура сформировались в качестве общерусских. Переход на русский язык и обращение к русской культуре вполне естественно для населения Украины, поскольку открывает более широкие возможности для развития и творчества без неизбежной в других случаях ассимиляции и денационализации. Признание русского языка угрожает Украине оттоком даровитых литературных, культурных и научных сил, участием их в развитии общерусской, а через это и украинской культуры. Однако этот процесс противоречит конфронтационной идеологии, навязанной украинскому обществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Синяков С.В.** Регионализация Украины и украино-российские отношения // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
- 2. Колосов Е.Е.** Два русских областника – М.П. Драгоманов и Г.Н. Потанин (опыт сравнительного изучения политических программ русских областников) // Сибирские записки. 1916. № 3.
- 3. Маджаров А.С.** Н.И. Костомаров и сибирское областничество // Восток в прошлом и настоящем: Тезисы докладов региональной конф. Иркутск, 1992.
- 4. Головинов А.В.** Идеологи областничества о роли интеллигенции в развитии русской провинциальной культуры // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
- 5. Головинов А.В.** Идеология сибирского областничества: социокультурные ценности и политические смыслы. Барнаул, 2011.
- 6. Головинов А.В., Должиков В.А., Петров Д.С.** Идеологический облик русского традиционализма: приоритеты и ценности народничества, областничества, толстовства. Барнаул, 2011.

7. **Головинов А.В.** Культурфилософия сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания. Saarbrücken, 2011.
8. **Головинов А.В.** Идеология сибирской свободы: этнокультурные и политические идеи классиков областничества. (К 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева) Барнаул, 2012.
9. **Головинов А.В.** Отечественные истоки социальной философии областничества // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2012. Т. 12. С 75-80.
10. **Головинов А.В.** Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев: через патриотическое просветительство к межэтнической социальной интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том: XVI. № 1 (66) С. 53-59
11. **Зайнутдинов А.Э.** А.П. Щапов – предтеча сибирского областничества // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
12. **Зайнутдинов А.Э.** Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Вып. 6.
13. **Зайнутдинов А.Э.** Интеллектуальная галерея сибирского областничества второй половины XIX в. // Многоликая современность: Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского / отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов. СПб., 2014.
14. **Ковалешкина Е.П.** «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.
15. **Троицкий С.А.** Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI №: 1 (66) С. 60-77.
16. **Драгоманов М.П.** Восточная политика Германии и обрусение // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
17. **Малинов А.В.** Язык, нация, культура в цивилизационной концепции В.И. Ламанского // Философия. Язык. Культура: Сборник Николаю Ивановичу Безлепкину к 60-летию со дня рождения и 30-летию научно-педагогической деятельности / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010.
18. **Драгоманов М.П.** Русские в Галиции // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
19. **Драгоманов М.П.** Литературное движение в Галиции // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
20. **Украинец (Б.А. Кистяковский)** К вопросу о самостоятельной украинской культуре // Русская мысль. 1911. Кн. II.
21. **Струве П.Б.** Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. Кн. I. С. 66.
22. **Troitskiy S., Begun B., Voloshuk E., Chertenko A.** Strategies of the study on the cultural exclusion zones // Modern Studies of Russian Society: A collective monograph. Helsinki, 2014.